

САМАЯ ПРОНИКНОВЕННАЯ СЕРИЯ ГОДА

ОЛИВЕР СТОРМС

Забытая мелодия

Оливер Стормс

Забытая мелодия

Серия «Мужчина с мягким сердцем»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74348231
ISBN 978-5-17-181336-9

Аннотация

Все началось с того, что первый весенний дождь залил письменный стол в кабинете Рика.

Именно тогда Мэгги осознала, что очередная зима закончилась, а ничего хорошего с нею по-прежнему не случилось.

Вторники Мэгги всегда не любила. По вторникам она плохо спала, по вторникам на работе присутствовали все начальники, ко вторникам призрачный запас сил от выходных с издевательской скоростью успевал исчезнуть, а до следующей хотя бы самой кратенькой передышки по ощущениям оставалось еще бесконечно долго.

Сегодняшний вторник начался с запаха сырости и звука настырных капель. Едва оправившись от неверного короткого сна, в предрассветных сумерках Мэгги выбралась из постели и обнаружила, что крыша ее дома протекла на все восточное крыло, и вода настойчивыми струями заливает коридор, две гостевые спальни и кабинет Рика.

И все, что могло случиться хорошего этой весной, исчезло, словно по злему волшебству.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	33
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Оливер Стормс

Забытая мелодия

Часть первая

Где бы я ни был

Глава 1

Все началось с того, что первый весенний дождь залил письменный стол в кабинете Рика.

Именно тогда Мэгги осознала, что очередная зима закончилась, а ничего хорошего с нею по-прежнему не случилось.

Вторники Мэгги всегда не любила. По вторникам она плохо спала, по вторникам на работе присутствовали все начальники, ко вторникам призрачный запас сил от выходных с издевательской скоростью успевал исчезнуть, а до следующей хотя бы самой кратенькой передышки по ощущениям оставалось еще бесконечно долго.

Сегодняшний вторник начался с запаха сырости и звука настырных капель. Едва оправившись от неверного короткого сна, в предрассветных сумерках Мэгги выбралась из постели и обнаружила, что крыша ее дома протекла на все во-

сточное крыло, и вода настойчивыми струями заливают коридор, две гостевые спальни и кабинет Рика.

И все, что могло случиться хорошего этой весной, исчезло, словно по злему волшебству.

* * *

Горе – штука довольно странная. Всем понятная и всем известная, и тем не менее каждый проживает его по-своему. Кого-то горе заставляет ускориться, хаотично подталкивает к действиям, пусть даже неясным и бесполезным, подчиненным лишь попыткам забыться и отвлечься на что угодно. Кого-то парализует, подчиняет себе без остатка, увлекает за собой, как цунами, и отбирает любое желание барахтаться и хвататься за жизнь. Кого-то горе изменяет навсегда и отравляет изнутри, как затаившаяся болезнь, даже если окружающим кажется, что человек давно оправился и идет дальше.

Мэгги горе лишило сил. Рика не стало два года назад, и с тех пор она совсем не могла сказать, что не знает, что делать. Не могла сказать, что потеряла смысл жизни. Не могла сказать, что не может оправиться от боли. После первых недель острого траура наступила растерянность, и сил справиться с нею, сил собраться с духом, сил начать что-то делать и принять хоть какое-нибудь решение так и не появилось.

А потом его кабинет – единственное место, где Мэгги до сих пор еще хоть как-то чувствовала его утешительное при-

сутствие, — оказался залитым водой.

Рика не стало два года назад, но кабинет его Мэгги ревностно хранила таким, каким он его оставил. В один отвратительный вторник Рик проснулся привычно уставшим, выпил кофе, разложил на столе бумаги и уехал на работу.

Он жил в семейном доме и управлял семейным бизнесом. Выйдя на пенсию, родители передали ему дела, и Рик очень гордился, что магазин сантехники, переживавший не лучшие времена, под его руководством выправился и стал почти преуспевающим, особенно по меркам их небольшого города. Однако Рик свою работу не очень любил. Считал делом чести не позволить бизнесу отца потонуть среди других семейных предприятий, относился к нему с вниманием и дотошностью, как, впрочем, и ко всему, что было для него необходимым и важным. А в тот вторник чувствовал себя не очень хорошо и поехал в магазин совсем ненадолго, только что-то проверить. И не вернулся.

Бумаги, которые он читал тем утром, так и остались на его столе. Толстовка, которую он снял, все еще висела на кресле. Телевизор, стоящий в углу, до сих пор с готовностью показывал любимые программы. Мэгги вообще старалась ничего здесь не трогать, а только приходила сюда постоять, когда тоска по Рику становилась особенно сильной.

Мэгги была бы рада вообще оставить весь дом в неприкосновенности после его смерти. Как-никак, в этом доме Рик вырос и здесь они планировали свою жизнь вдвоем, потому

что Рик купил его у родителей сразу после помолвки. Это был его свадебный подарок – он веселился, что поступил, как Джим из сериала «Офис», и показывал Мэгги свое приобретение с гордостью и радостью, которую редко когда выражал так открыто.

Он очень любил этот дом. Считал, что все его недостатки легко исправить, нужно только постараться – о Рик, он так и о людях думал, что все можно непременно сделать лучше, если как следует вложиться и отремонтировать по своему вкусу.

В этом доме была кухня, где они ужинали вместе, была спальня, в которой они засыпали вдвоем, и главное, было заднее крыльцо: там они сидели, обнявшись, и мечтали, как через много-много лет сюда на Рождество будут приезжать все их внуки.

Все смеялись, но они с Риком действительно часто говорили о внуках – не о детях, которых несомненно хотели, а именно о внуках.

Дети – это был план, руководство к действию, нечто достижимое, что казалось реальным и очень скорым. А вот внуки представлялись чем-то таким далеким, что точно принадлежало миру грез – и то была одна из немногих мечтательных идей, которые позволял себе всегда прагматичный Рик, реалист до мозга костей. Друзья говорили ему, что все дело в его душе дедушки. А вот Мэгги очень любила, когда они принимались фантазировать. Хотя Рик действительно

не слишком часто отрывался от реальности – предпочитал строить четкие продуманные планы, со схемами и подпунктами. Но когда он принимался описывать меню для рождественского стола, намечающегося где-нибудь лет через пятьдесят, в нем появлялась нетипичная романтичность, которая казалась Мэгги невероятно трогательной.

Как бы то ни было, внуков у них не случилось. Как и детей: они прожили вместе чуть больше года и уже всерьез задумывались о них, как наступил тот самый вторник, Рик умер, и они ничего не успели.

Так Мэгги осталась одна в большом доме, старом, не вполне обжитом, разобранном, поскольку сперва родители Рика, а потом и он сам все собирались отремонтировать его, но, едва приступив к ремонту, ничего не доводили до конца.

А сегодня во вторник крыша над кабинетом протекла, и дождь пролился на офисное кресло, на темный офисный ковер, на бумаги, которые Рик читал перед смертью в последнее утро.

День только начинался. Унылый рассвет неохотно вползал в маленький город, в неуютный дом, дождь все усиливался, и пятна на потолке расплзались все шире, а вода все капала и капала.

Мэгги опустила в мокрое кресло и не нашла сил встать.

— Да тоже мне, новости, скажи мне хоть что-то, чего я не знаю. — Хрипловатый голос Рокси всегда звучал, будто она чуть-чуть запыхалась, и сейчас эта хрипотца становилась отчетливее из-за непрерывного шепота дождя. — Я считаю, полгода добавила жизни наглядности. Теперь всем окружающим сразу будет видно, что у тебя поехала крыша. — И она с чувством облизала ложку.

Вторник начался и завершился уже привычно. На Мэгги в очередной раз упало небо, а спасла ее в очередной раз Рокси.

Мэгги искренне не представляла себе, что бы она делала без нее в последние два года. Они познакомились еще давно, когда жили в Нью-Йорке. Мэгги улаживала дела с колледжем, и они с Рокси часто совпадали за соседними столиками в кофейне у кампуса: Мэгги с телефоном, а Рокси с неизменным ноутбуком, по которому стучала с невероятной даже для студентки сосредоточенностью.

Рокси была подружкой Мэгги на свадьбе, а когда Рик умер, переехала в Саммер-Спрингз поближе к ней. Среди всех забот и ужаса Мэгги даже не поняла поначалу, что произошло; Рокси жила с нею первые недели после похорон, а потом вроде уехала, но почему-то часто оказывалась рядом. Лишь через пару месяцев она поняла, что Рокси не вернулась в Нью-Йорк. Ее работа в модном айтишном проекте требо-

вала присутствия в офисе лишь изредка, так что в течение пары недель она сумела сдать свою квартиру в Бруклине и поселилась в доме неподалеку от Мэгги.

Рокси утверждала, что давно собиралась уехать в город поменьше, но Мэгги все равно чувствовала себя виноватой. Она никогда бы не попросила активную, всегда занятую сотней дел подругу бросить свою по-настоящему нью-йоркскую жизнь и засесть вместе с нею в захолустье, которым ощущался Саммер-Спрингз после «Большого яблока». Со своим размеренным распорядком и длинными рядами однотипных домов он казался самым дальним и провинциальным уголком Нью-Джерси. Но когда она говорила об этом, Рокси в своей обычной манере просила ее скорее заткнуться.

И Рокси действительно выглядела вполне довольной. Оборудовала себе отличный хоум-офис, нашла поблизости с десяток клубов и студий по интересам, а просторный одноэтажный дом прямо за городской площадью полностью отвечал всем ее требованиям к жилью. То, что даже в такой дыре Рокси за несколько дней умудрилась найти себе отличную аренду, уже многое говорило о ее характере.

Казалось, не было проблемы, которую Рокси не могла бы решить, поставив себе задачу и моментально взявшись за дело.

Как, например, сегодня. Сообразив, что к ее возвращению с работы дом наверняка превратится в бассейн, а дождь вряд ли перестанет только потому, что в этом году она уже исчер-

пала весь запас отгулов, Мэгги собралась с мыслями и позвонила Рокси. И та сразу же приехала.

Полная энергии, одетая и с макияжем, словно на часах было не семь утра, она еще с дороги начала решать проблемы и принесла Мэгги кофе и круассаны на завтрак. А потом вытолкнула ее на работу. Школа, в которой Мэгги третий год выполняла обязанности секретаря, крайне отрицательно относилась к пропускам.

– Иди-иди, не действуй мне на нервы, – заявила Рокси, поставив на стол в гостиной неизменный ноутбук, без которого, кажется, не выходила из дома даже на йогу. – Я сейчас вызову своего непутевого соседа, и мы будем разбираться.

И не слушала возражений.

Поэтому утром Мэгги уехала на работу, оставляя мокрый темный дом на попечение Рокси, а после ужасного дня, полного тягостных совещаний, скучных дел и косых взглядов коллег, вернулась к вытертым везде полам, аромату домашней еды и хотя бы временно решенной проблеме с крышей.

При помощи соседа, пары звонков и подручных средств из гаража Рокси смогла сдержать рвущуюся в дом стихию, собрала все ведра, кастрюли и емкости под особо рьяные протечки, превратила любую подходящую ткань в половую тряпку, а затем еще и наготовила к вечеру огромное количество яств, запах которых наполнял весь первый этаж и делал уютное жилище похожим на настоящий дом.

И Мэгги хотелось упасть ей в ноги, но Рокси такого нико-

гда бы не потерпела. Поэтому оставалось только обрушиться на диван и благодарить ее. Обед на работе не случилось, поэтому при виде наготовленных блюд желудок неуютно сжался. И даже количество ее не испугало.

Сосед Рокси, которого все звали исключительно прозвищем Малыш-Плотник, всегда приходил на помощь, когда она требовалась. Никто не знал, чем на самом деле он занимался. В городе про него ходили странные слухи, а жил он в подвале дома своей тетки, работал где придется и был крайне немногословен. Рокси познакомилась с ним случайно в ближайшей к дому кофейне и с тех пор постоянно звала на помощь, потому что в мелком и среднем ремонте Малышу-Плотнику не было равных. Весь день он не покладая рук трудился под началом Рокси, а теперь с полной самоотдачей занимался поглощением еды.

Втроем они сидели на диване, который Мэгги еще давно подвинула поближе к обогревателю, и смотрели за ужином викторину с вопросами на миллион.

Вторник мог бы даже оказаться в итоге не самым страшным днем недели, пока Рокси не отодвинула пустую тарелку, довольно причмокнув губами, и не объявила:

– Слушай, насчет пятницы. В пятницу я буду в городе. У меня просмотр последний поздно, и вечером я стану уже такая злая, что смогу разве что поплыть впереди паром на силе гнева.

Мэгги не донесла ложки до рта, и суп с вкусным шлепа-

нием вернулся обратно в тарелку.

– Да, извини. – Рокси проследила глазами за полетом супа и уверенно кивнула. – В пятницу я тебя брошу. Но не одну, потому что все приедут. Ребята уже подтвердили, Лаура с Томом, Ромео, Генри, понятное дело. Я, может, успею к окончанию, но вряд ли. Скорее закопаюсь в делах. – Она отвернулась и принялась собирать использованные приборы. – А, ну и еще у меня свидание.

Ноги, которые только успели согреться от еды и приятной компании, снова стали ледяными, и Мэгги зябко поджала ступни. Одним из самых нелюбимых недостатков в старом доме было то, что в нем никогда не получалось толком согреться.

– Здорово! – Наблюдая, как Рокси собирает на одну тарелку остатки закусок, чтобы потом пододвинуть ее поближе к Малышу-Плотнику, Мэгги несколько раз растянула губы, словно примеряя улыбку. – Хорошо, что у тебя совпало в один день приятное с полезным.

Даже ей самой было прекрасно слышно, как фальшиво звучит ее голос.

– Нет, мне жаль, конечно, что тебя не будет, но, правда, ничего страшного. – Она поспешно начала выкручивать хоть на какую-то искренность, чтобы не чувствовать себя совсем уж врушкой. – Я и так тебе благодарна до небес и обратно. Надеюсь, ты отлично проведешь время! А я в пятницу, наверное, и так не пойду никуда. Так что никаких проблем.

– Нет, уж извини. – Рокси повернулась на диване и воззрилась на Мэгги с таким видом, что Малыш-Плотник настороженно пригнулся над тарелкой, не прекращая жевать. – Если ты никуда не пойдешь – это будет как раз проблема.

Мэгги поспешно принялась доедать суп, но под серьезные разговоры он уже не казался таким вкусным.

– Необязательно, – она передернула плечами, как упрямая девчонка. – Там столько народа собирается, и я почти никого не знаю. Вряд ли кто в принципе заметит мое отсутствие. Генри говорил, что и школьные друзья придут, и еще какие-то приятели. И магазин собирается в полном составе, даже те, кто давно не работает. Он и сам говорил, что мне необязательно идти, если не хочется. Думаю, все всё поймут.

Но Рокси смотрела на нее с выражением опытной учительницы, которой наперед известно, что скажет ей двоечник. Кинув взгляд на них обоих, Малыш-Плотник схватил обе тарелки и поспешно ретировался в другую комнату. Он тоже был приглашен в пятницу.

Мэгги подозревала, что без Рокси Малыш-Плотник тоже никуда не пойдет. Она вообще ни разу не видела его без Рокси. Однако в тот момент он не озвучил свое намерение и промолчал, уловив напряжение, и это было мудро с его стороны.

В пятницу был день рождения Рика: ему бы исполнилось сорок четыре. Смешной возраст, если не вспоминать, что жизнь его закончилась в сорок два.

В прошлом году его день рождения Мэгги провела на

кладбище, а потом они собрались с близкими друзьями, но получилось столь печально, что повторять такое никому не хотелось. И в этом году младший брат Рика, Генри, предложил устроить нечто вроде музыкального вечера. Рик ведь любил музыку – почему бы не вспомнить его любимые песни, а заодно собраться вместе с теми, кто его помнил. Идея неожиданно пришлась многим по душе. В специальный чат, созданный для организационных вопросов, уже прислали подтверждения друзья юности Рика и его одноклассники, те, кто общался с ним совсем в детстве и работал с ним в последние годы его жизни.

Если судить по отклику, вечер памяти обещал быть самым многолюдным мероприятием со дня похорон.

Именно поэтому Мэгги которую неделю уже приходила в ужас от любой мысли об этом вечере и даже перестала читать организационный чат. Работать, общаться с парой проверенных друзей – на это сил кое-как, но хватало. А вот при мысли, что надо нарядиться, выйти в свет и улыбаться людям, многих из которых она видит в первый раз, хотелось только убежать куда подальше и спрятаться в свою нору.

Под буравящим взглядом Рокси Мэгги совсем смутилась.

– Все всё поймут, тебе не кажется? – повторила она.

– Ну разумеется.

– Меня из гостей почти никто не знает. Им без разницы, приду я или нет.

– Несомненно.

– К тому же мне вообще не до этих вечеров. Тем более после сегодняшнего! Вот меня спросят про мои дела, а что я в ответ буду рассказывать? Про свою крышу?

Рокси кивнула торжественно и очень медленно.

– Конечно же, все всё поймут, – подтвердила она, и согласие было таким, что Мэгги сразу почувствовала себя именно двоечницей. – Что ты! Генри же чисто развлечения ради созвал в этот день всех, кто мог рассказать о твоём муже что-то хорошее. Притом созвал именно там, где тебе удобно, как раз в тот день, когда тебе особенно грустно, и продумал все так, чтобы получилось как можно менее печально. И остальные тоже по чистой случайности отменили свои планы и решили посвятить пятничный вечер поминальным речам. Конечно, никто даже и не заметит, что ты нашла очередной предлог откосить и сделала вид, что вообще не замечаешь ничьих усилий.

И она с преувеличенным спокойствием принялась собирать со стола пустые тарелки.

Сердце у Мэгги неприятно сжалось.

– Ну да. Я бы нашла предлог откосить, – сказала она, одновременно чувствуя необходимость оправдаться и упрямое желание отстоять свою правоту. – Никто не знает, сколько мне усилий стоит каждый день вообще просыпаться. И я опять забыла сдать на работе месячный план, представляешь? А еще мне нечего надеть. Я собиралась надеть то платье, в котором была, когда Рик сделал мне предложение. Я

в нем Рику так нравилась! Достала его, а оно вообще не такое, как раньше! Висит на мне мешком, а рукава, наоборот, давят. Такое впечатление, что я его с кого-то чужого сняла! И так в целом происходит с моей приличной одеждой. Да и со всем на свете. Не могу себе представить, что вот я войду, и все сразу начнут показывать на меня пальцем, как на вдову Рика, и сразу станет очевидно, что я два года не была в баре, не могу ни с кем поддержать разговор и дичаю.

— Ну да, потому что это умереть не встать какой инфоповод, — Рокси направилась к посудомойке, открыла ее и гневно посмотрела на Мэгги, застыв над углублением для ножей и вилок. — Какая новость, никто ведь и не догадывается ни о чем! Никто из близких твоих друзей вообще не переживает, а как ты в целом живешь. Не обсуждает, как тебе помочь наиболее мягким способом, именно так, чтобы тебе реально помогло. Не обдумывает каждое свое действие и слово, не ранит ли оно тебя ненароком, не слишком ли будет вмешиваться в твой траурный кокон, из которого ты не вылезашь. Сколько еще потребуется времени, чтобы ты хоть голову пару раз подняла — и откуда всем найти силы, чтобы остаться рядом до того момента, как это случится.

Рокси захлопнула посудомойку, и что-то жалобно зазвенело внутри, поскольку она приложила больше силы, чем требовалось.

Мэгги хотела встать, но почему-то не смогла, наблюдая, как Рокси мечется по кухне, в одну секунду приведя в пол-

ный порядок заваленную всякой всячиной стойку, вделанную в стену.

Кухня была единственным местом, которое Рик успел отремонтировать в доме до того, как умер.

– Ты не думай, – продолжила Рокси безжалостно, прекрасно понимая, что Мэгги неприятно от ее слов. – Ты ведь одна в этой жизни что-то потеряла. Кроме тебя, никто больше не устает, ничему не расстраивается и не переживает. Ты у нас одна бедняжка, которой все должны помогать. И у которой поехала крыша.

Дождь припустил с новой силой, и в повисшей тишине стало слышно, как он стучит не только в крышу и окна, но и в тазы и ведра, которые Рокси расставила под протечки на втором этаже. Непривычно домашние запахи проникали из кухни в соединенную барной стойкой гостиную, и электрический свет бездушно освещал комнату, в которой давно не чувствовалось дыхания теплоты.

Мэгги стало холодно, но примитивная система отопления дома на сей раз была совершенно ни при чем.

А вот взгляд Рокси, той самой Рокси, которая без единого вопроса переехала к ней в день кончины Рика, а потом за ручку водила ее на работу и обратно, когда Мэгги не могла оставаться одна, и по первому же зову всегда появлялась рядом и всегда за одну секунду находила лучшее решение для всех возникающих на свете проблем, заставил ее поежиться.

Несколько минут не было слышно ничего, кроме пыхте-

ния чайника, тиканья больших уродливых часов в гостиной и непрерывного шепота дождя, настырного и негромкого, как ответственность взрослой жизни.

Иногда Мэгги забывала, что Рокси не просто ее подруга, на которую она всегда может положиться. Рокси была тимлидом в крупной компании, руководила большим отделом, а помимо этого считалась лучшим руководителем по разрешению конфликтов сотрудников и сложных ситуаций внутри компании.

Вот только она редко проявляла свои рабочие таланты с Мэгги, поэтому каждый раз ей казалось, что она знакомится с какой-то новой гранью неизменно незаменимой Рокси.

Все ее слова попадали в цель, и что делать с этим, Мэгги еще не знала.

И пока она мучительно пыталась наскрести хоть слово в свое оправдание, Рокси гневно буравила ее взглядом. А потом они обе вздрогнули, потому что рядом громко и от души чихнул Малыш-Плотник.

Все сразу стало обычным. И чайник просто закипал, а не служил пытящим укором, и дождь был просто погодой, не совсем кстати добавившей забот, и часы были просто часами, которые отсчитывали время.

Чувствуя повисшее напряжение, Малыш-Плотник неловко застыл в центре гостиной.

– Вы молчали, и я пришел есть десерт, – осторожно произнес он. Малыш-Плотник все свои фразы говорил осторож-

но, словно ожидал наказания.

По скудным обрывкам информации, которыми делилась с нею Рокси, Мэгги подозревала, что долгое время так действительно и было. По этой же причине он всегда сутулился, наклонял голову, чтобы казаться более незаметным. Он вообще не рассказывал о себе и говорил что-то вслух только тогда, когда не видел другого выхода.

Иногда Мэгги и впрямь забывала в своем бессилии, что сложно в этой жизни бывает вовсе не ей одной.

– Я... Рокси... я правда... – открывая и закрывая рот, Мэгги силилась найти слова, но не смогла и только молча наблюдала, как Рокси сервирует десертный поднос уверенными точными движениями.

Рокси ориентировалась на кухне лучше, чем она сама. И гораздо быстрее. Поэтому Мэгги вместе с подошедшим Малышом-Плотником смотрела на Рокси, бессильно опустив руки. И лишь когда поднос был готов, Малыш-Плотник сделал шаг вперед и унес его к столу, чтобы Рокси не несла тяжелое.

Рокси вытерла руки кухонным полотенцем и кинула на Мэгги строгий учительский взгляд.

– О боги, ты смотришь на меня, как ребенок, который боится, что мать уходит на работу только для того, чтобы найти там себе других детей. – Она по-доброму закатила глаза. – Тех, которые учатся на пятерки и всегда убираются в своей комнате.

– И гораздо более благодарных, – кивнула Мэгги, наконец обнаружив свои голосовые связки.

– Магдалейн, расслабься, а? Никто не собирается тебя бросать. Каждому из нас надо периодически вправлять мозги. – Рокси отбросила полотенце и обняла ее коротко и очень крепко. – Особенно тем, у кого поехала крыша.

– Я разложил тирамису по тарелкам! – раздался осторожный голос Малыша-Плотника. Он очень не любил, когда при нем начинали ругаться.

Вторник начался и закончился уже привычно. На Мэгги в очередной раз упало небо, а Рокси пришла и поставила его на место.

Притом в этот раз досталось не только небу.

Горе – штука довольно странная. Всем знакомая, и в то же время все проживают его по-разному. Кто-то сразу бросается в попытки все менять, кто-то отчаянно старается остаться на том же месте. Кто-то хватается за осколки прожитого, а кто-то продолжает ломать все, что осталось, в попытках уйти от боли. Кто-то стремится вперед, мечтая скорее оставить утрату позади, а кто-то замирает в ожидании, когда нести горе в себе станет хоть на какую-то каплю легче.

Глава 2

– Вам очень идет синее, – сказала продавщица, когда Мэгги зависла перед вешалками, разглядывая два примеренных платья.

Мэгги не кривила душой, когда говорила Рокси, что ей нечего надеть. Гардероб за последние два года свелся едва ли к паре комплектов, которые она комбинировала и заносила уже почти до негодности. Отчасти потому, что у нее изначально не было слишком много одежды. Большую часть нью-йоркских нарядов она так и не забрала из кладовки снимаемой подругами квартиры.

А потом и вовсе стало не до обновок. Сама мысль о том, чтобы прихорошиться, казалась Мэгги предательством. Как ей вообще было думать о своем отражении в зеркале или о том, какой ее видят другие, когда Рик умер, а она осталась одна и влачит жалкое непосильное существование в маленьком полужнакомом городке?

Но сегодня вечером предстоял выход в свет, и непонятное желание вместе с объективной необходимостью привели ее после работы в торговый центр.

– Я ношу только черное, – покачала головой Мэгги, переводя взгляд с одного платья на другое.

Дело было не только в трауре. Долгие месяцы, когда у нее не было сил выходить из дома, не могли не сказаться на том,

как она выглядела. Черный лучше всего скрывал изменения, из-за которых она с трудом могла терпеть свое отражение в зеркале.

– На мне не смотрятся другие цвета.

– Но вы же померяли синее, – не согласилась продавщица, по-хозяйски встряхивая вешалки, чтобы расправить складки. Ткань замерцала в ярком свете промышленных ламп. – И видели, как оно сидит. Вам очень идет этот цвет. И оно не такое приталенное, как черное, если вы беспокоитесь о фигуре.

Мэгги недовольно покосилась на немолодую, добродушного вида женщину. Она была похожа на типичную продавщицу из типичного ромкома, которая произносит нечто важное для главной героини, чтобы та бросила все дела и понеслась через весь город в объятия главного героя. Мэгги даже грустно стало, что в ее случае судьбоносность сводится к простому отсутствию привычки снимать с вешалки размер побольше.

Хотя вот одета продавщица была отлично. Умело и очень со вкусом, и поэтому тот факт, что до модельной внешности ей было далеко, выглядел в итоге скорее преимуществом, чем недостатком.

В итоге Мэгги взяла и купила оба. Не каждый день удавалось подобрать сразу два платья, и Мэгги остро не захотелось расставаться ни с одним. Красивый бумажный пакет с ленточками вместо ручек тоже показался неожиданно ра-

достным. Как будто она получила его в подарок, а не купила со своей весьма многострадальной кредитки.

Почему Мэгги решила в итоге пойти на вечер памяти Рика, сказать было сложно. Возможно, дело было в очередной бессонной ночи в разобранном доме, или в воззваниях Рокси, или в обещании Генри, что ей ничего не придется делать, кроме как прийти.

Скорее дело было в работе.

В таком маленьком городе, как Саммер-Спрингз, найти работу в получасе от дома считалось огромной удачей. В основном жители здесь каждый день отправлялись работать в другие боро – самоуправляемые районы – или же вообще в Нью-Йорк. Когда они с Риком переехали, Мэгги быстро поняла, что сохранить ее любимую работу в нью-йоркском отеле не получится. Сменный график не сочетался с долгой дорогой, затраты не окупались, да и Рик считал, что раз уж менять образ жизни, то сразу целиком, а не по частям.

И он же помог ей найти место. У нее же был опыт работы в школе, а городская школа, в которой он учился вместе с братом, как раз искала административного ассистента. А когда Мэгги возразила, что большая часть усилий ее взрослой жизни направлена как раз на то, чтобы строить карьеру где-нибудь кроме школы, Рик напомнил ей, что у них двоих есть собственные большие планы.

– Не расстраивайся, – сказал он, нехарактерно легкомысленно пожав плечами, когда в первый рабочий день Мэгги

одевалась и чувствовала себя так, словно застегивала на собственной шее рабское ярмо. — Мы же оба знаем, что это ненадолго.

План был простым. Уходить в декрет с рабочего места казалось значительно разумнее, чем будучи домохозяйкой. Она уделит немного времени школе, а потом они с Риком родят ребенка, и все остальное станет уже неважным.

В школе никому не нужно было знать, что она вообще не собиралась выходить из декрета.

Потом все их с Риком планы превратились вместе с ним в пепел — а работа осталась. И Мэгги так и не любила ее с каждым днем все сильнее, отчаянно и упрямо, и ругала себя за то, что пока учебные семестры пробегали один за одним, она так и не смогла найти в себе сил что-то изменить.

А сегодня в школе случился очередной аврал: один из учителей по ошибке загрузил результаты тестов в неправильную базу данных, и, когда решалось, кому оставаться на работе допоздна, одна из коллег Мэгги, снисходительно хмыкнув, заявила, что «раз у Магдалейн никогда никаких планов на вечер нет, пусть она и остается».

Всегда прямая, всегда очень правильная, активная и пунктуальная, как отличница, коллега по имени Хелен обычно не упускала ни единой возможности упомянуть, как она любит свою работу. И тон ее был оскорбительным; Мэгги знала, что Хелен с другими секретарями собирается сегодня в бар праздновать чей-то день рождения, и утверждение, что

планы могут быть только у них, застало ее врасплох.

Отношения их всегда были лишены теплоты – особенно после того, как завуч хотела назначить старшим секретарем Мэгги, а не Хелен. От должности Мэгги отказалась, но холод между ними крепчал, и с каждым разом пренебрежение коллег задевало Мэгги все сильнее.

– Вообще-то я сегодня вечером занята, – заявила она упрямо и свела лопатки.

Спина у Хелен всегда была такая прямая, что рядом с нею так или иначе приходилось тянуться вверх.

– Ну окей, – протянула Хелен капризно и закатила глаза. – Теперь мы хотя бы поняли, по какому случаю опять дождь.

И тут же указала Мэгги, что до ухода с работы необходимо разослать всем результаты тестов: «И неважно, какие там у тебя планы».

Мэгги сразу решила не отсиживаться дома и пойти в бар, хотя бы Хелен назло.

Когда Генри предложил организовать в честь дня рождения Рика музыкальный вечер памяти, Мэгги отнеслась к его идее скептически. Все предыдущие попытки каким-то образом отметить важные для Рика даты заканчивались пока плачевно, и устраивать очередное унылое собрание, на котором все делают вид, что вспоминают о покойном, а на деле присматриваются к Мэгги, перешептываясь по поводу того, что она еще не перестала носить траур, ужасно не хотелось.

После первой годовщины его смерти Мэгги была так рас-

строена повсеместным призывам «не ставить крест и на себе тоже», что несколько недель потом вообще не могла разговаривать с людьми.

Генри пообещал ей, что ничего подобного на его музыкальном вечере точно не повторится.

«В его день рождения мы в первую очередь будем вспоминать про музыку», – сказал он, и вся подготовка каким-то образом также оказалась связана с музыкой.

До сегодняшнего дня Мэгги это не удивляло. Генри сам был музыкантом – руководил рок-группой, которая хоть и была независимой, но уже много лет вполне успешно удерживалась на плаву. Остальные его подработки – на радио и в интернете – тоже были музыкальными.

А Рик... Мэгги никогда не слышала от него пылких речей по поводу музыки. Как и все, он просто включал какие-то песни в машине, слушал любимые альбомы и плейлисты, бормотал себе под нос мелодии. А за работой всегда ставил себе записи живых выступлений определенных артистов. За время их жизни в Саммер-Спрингз Мэгги порой видела, как, отвлекшись от бухгалтерских документов, которые он не особо жаловал, Рик поднимал голову и подолгу застывшим взглядом смотрел в экран, где какая-нибудь рок-группа шумно исполняла перед беснующейся толпой коронное соло. Вот, собственно, и все.

Тем удивительнее Мэгги было увидеть, что на музыкальном вечере, на который по приглашению Генри собрались и

школьные, и совсем давние друзья Рика, все только и вспоминали о нем как о человеке, который мечтал завоевать мировую рок-сцену.

Генри был прав: унылого собрания не состоялось. Взрослые люди разной степени успешности, некоторые даже малознакомые, выбрали именно это мероприятие для завершения недели и пришли в музыкальный бар, который принадлежал одному из участников группы Генри. Все до единого вспоминали какие-то веселые истории из детства и юности, когда они сталкивались с Риком, а заканчивали свои рассказы песней на его музыку и стихи.

Мэгги сначала была уверена, что ослышалась. Потом — что выступающий ошибся. Перепутал или вспомнил случайного кого-то другого. Не могло же быть так, что какой-то непонятный айтишник из Сан-Франциско, который в последний раз видел Рика на выпускном балу, знал о нем что-то, чего не знала Мэгги?

А потом оказалось, что мог. И что именно она ошибалась. И совсем, оказывается, не знала о том, что вся молодость Рика, судя по рассказам, была посвящена пламенной мечте стать настоящим рокером.

И что он образовал в школе группу, которая записала два альбома и начинала выступать уже и в соседних штатах.

И что он был готов драться за свою мечту и вызвал бы на дуэль любого, кто посмел бы спорить с ним о музыке или усомниться, что его группе уготован несомненный успех.

До тех пор, пока не ушел из группы прямо накануне первого турне и больше никогда в жизни музыкой не занимался.

Информации было столько, что у Мэгги голова пошла кругом. Время шло, рассказов о Рике-музыканте становилось все больше и больше – и главный герой этих историй был так непохож на того Рика, с которым она жила вместе, что Мэгги не знала, что и думать. Воспоминаниями делились и его давние друзья юности, и приятели Генри, и даже коллеги, которые работали под его началом в магазине сантехники, а значит, знали его совсем недавно.

Все они играли песни, которые Мэгги никогда не слышала – и говорили о событиях из жизни Рика, о которых Мэгги и понятия не имела.

Бар был наполнен теплом и взрослыми голосами. Импровизированная сцена освещалась яркими прожекторами, которые Генри и хозяин бара, его соратник по группе Стив, весь вечер то и дело двигали с места на место. Люди, по большей части ей незнакомые, то собирались уходить, то возвращались и решали сыграть еще «на дорожку», и со временем песни из молодости Рика сменились в целом любимыми песнями собравшихся, в которых Мэгги тотчас угадывала известные шлягеры. Кто-то явно брал гитару в руки впервые после долгого перерыва и выступал с робостью, но удовольствием. А кто-то владел инструментом профессионально, и их сразу было видно среди начинающих и любителей.

Высокая девушка с ярко-рыжими волосами спела с Ген-

ри дуэтом с таким чувством, что ее попросили сыграть что-нибудь еще на бис – и оказалось, что именно эту песню Рик написал последней перед тем, как навсегда распрощаться с музыкой.

Официальная часть со списком выступающих закончилась, и собравшиеся сидели теперь в одном тесном кругу. Следовало вернуться домой – Мэгги давно уже казалось, что силы на выход в свет иссякли. Но ее друзья так внимательно все время присматривались к ней, что ей не хотелось подниматься и объяснять, почему она уходит раньше остальных.

Поддержать Мэгги сегодня пришел весь ее немногочисленный круг общения. Тут была и Лаура, ее коллега по школе, и ее муж Том, который славился своим умением разряжать обстановку, и Малыш-Плотник – он, судя по напряженному взгляду и склоненной над телефоном голове, вел для Рокси прямую трансляцию с места событий. Неплохо она знала еще и Ромео, друга Генри, который весь вечер сегодня посвятил тому, что постоянно предлагал Мэгги закуски и всякие угощения. Том и Малыш-Плотник от души оценили его старания.

Генри неугомонно носился с места на место, обустривая сцену и встречая гостей; за ним по пятам ходил его рыжий кот Каподастр, который, как обычно, следовал за хозяином неотлучно даже в такие нетипичные места, как музыкальный бар – Ромео регулярно приносил подношения и ему тоже. Все они словно окружили Мэгги незримой стеной, и ей было

неловко проламываться сквозь нее и возвращаться обратно в свое темное жилище.

Поэтому, когда Генри заявил, что исполнит на бис песню Рика, которой он гордился когда-то больше всего, Мэгги все сидела, невидящим взглядом смотрела на гитары, отражающие блестящим корпусом свет прожекторов, и никак не могла перестать думать: а знала ли она вообще человека, за которого вышла замуж?

Глава 3

С тех пор как Рик умер, у Мэгги имелось только два средства, чтобы не сходить с ума каждую ночь.

Дни были полны забот и каких-то дел. То, что жизнь, очевидно, закончилась, а суета все равно продолжалась, казалось жестокой насмешкой – однако солнце на востоке так и всходило каждый день, и приходилось постоянно чем-то заниматься и что-то решать. Днем разные люди оказывались рядом – коллеги или друзья, которые, несмотря ни на что, остались с Мэгги после ее потери.

А вот ночью рядом никого не было. И сна тоже не было. А уж сил – тем более. Ни на то, чтобы победить бессонницу, ни на то, чтобы сделать что-нибудь, вернув себе хоть какое-то подобие жизни.

Поэтому для ночей в последние два года у Мэгги было два проверенных лекарства.

Первым был телевизор с фильмом «Сумерки». Он в целом всегда ей нравился, а вот Рик его терпеть не мог: принимался ворчать и возмущаться всякий раз, когда она начинала его смотреть. Но теперь Рик умер, и Мэгги смотрела этот фильм на бесконечном повторе. Держала запись в каждой комнате, прогоняла по очереди все части и начинала заново сразу после титров.

И так было каждую ночь. Заснуть хоть на сколько-то

без отблеска сине-зеленых кадров казалось теперь чем-то немыслимым.

Вторым лекарством была мобильная игра под названием «Отель “Мистери”». Мэгги ведь любила гостиницы, и знакомая тематика делала стандартные «три в ряд» особенно затягивающими. Помимо обычных заданий, с каждым уровнем в игре развивался псевдо-детективный сюжет о пропаже консьержа, а параллельно отель нужно было отстраивать и украшать для новых гостей. За каждое задание выдавались алмазики, чтобы покупать мебель или обустройство, а в новых комнатах открывался новый этап расследования.

Ничего оригинального или даже особенно красочного в этой игрушке не было – но ничего больше не умело теперь завладевать Мэггиным вниманием так сильно и так надолго. Иногда единственной мыслью, которая удерживала ее от слез в середине очередного мучительного дня, было знание, что вчера она удвоила запас алмазиков и сегодня ночью сможет отстроить целый новый этаж своего отеля, пока Эдвард и Белла с приоткрытым ртом в миллионный раз будут бурлить друг друга взглядами.

Но когда она вернулась сегодня после вечера памяти, и телефон наконец перестал вибрировать постоянными сообщениями, которыми полнилась группа организаторов и гостей, а еще – друзей, проверяющих, что она не собирается снова войти в особо острую фазу отчаяния, Мэгги привычно села на диван, включила фильм, взяла телефон...

И словно заново как следует осмотрела свою гостиную, пока «Отель “Мистери”» загружал ее урожай алмазиков прошлой ночи, а Белла переезжала из пустыни в туманные леса.

В голове все еще звучали обрывки песен, которые Генри и его друзья исполняли перед закрытием бара, и, возможно, из-за заевших в памяти аккордов Мэгги показалось, что она впервые за бессонные ночи последних лет видит этот дом.

Она мало помнила Рика таким счастливым, как в тот вечер, как он привез ее сюда впервые. Они уже обручились, провели вместе выходные и целые недели – но встречались всегда в Нью-Йорке и его окрестностях, уезжая иногда на побережье.

И в родной Нью-Джерси Рик пригласил ее впервые. Сначала она думала, его оживление связано с тем, что он рад привезти ее в родные места, в городок, где провел свое детство. И совсем не ожидала, что, открыв перед ней дверь семейного коттеджа, Рик объявит ей, что они теперь тут хозяйева, потому что его родители продали ему этот дом.

Рик все вспоминал Джима из «Офиса», но на деле дом, который он купил, был далек от милого коттеджа из сериала. Его родители любили все большое, и дом тоже сделали просторным, многокомнатным, преобразовав изначальное бунгало и добавив к нему дополнительное крыло, этаж, гараж и пристройку.

Изменения эти делались в разное время и из разных материалов, и с последней достройки прошло уже более двух

десятков лет. Но с тех пор как отец Рика занялся сантехническим магазином, он потерял интерес к перепланировкам дома. К тому же родители рассчитывали, что сыновья женятся и будут жить здесь со своими семьями, но этого никак не происходило.

Оба сына предпочли жить отдельно, а Генри вообще купил себе квартиру в Нью-Йорке и довольно-таки сильно прогневал отца и мать, когда окончательно заявил, что в Саммер-Спрингз собирается возвращаться только по делу. А когда родители решили выйти на пенсию и переехать в Майами, решение о продаже дома было принято сразу же.

Когда Мэгги впервые переступила порог, Рик оживленно болтал, показывал ей все скрытые углы и дополнительные комнаты, которых становилось все больше, и она быстро поняла, почему покупателя родители Рика искали так долго.

Дом хоть и отличался большими габаритами, но спланировали его беспорядочно, и далеко не все комнаты были удобно расположены относительно солнечного света или ванных. Сад выглядел заброшенным и пустым, и все казалось холодным, отсыревшим, запыленным. Здесь было просторно, но обстановка сильно поизносилась. Отопить как следует или поставить более современную сантехнику оказалось очень сложно.

А еще родители Рика так и не собрались разобрать вещи, которые накопились тут за десятилетия жизни одной семьи, и сочетание загроможденности и простора с самого начала

встревожило Мэгги.

Она так никогда и не сказала Рiku, что дом казался ей бестолковым, бездушным; что ей не нравился сад, в который солнце проникало только рано утром и сразу уходило, и расположение комнат не было для нее уютным, и пугал темный гараж, а «выгодная цена» казалась странно завышенной для продажи собственному сыну.

Рик взял для покупки немаленький кредит в банке, и проценты по нему предстояло платить еще много лет.

Эти проценты теперь стали одной из ее главных забот вместе с сантехническим магазином – в наследство досталось и то, и другое. Отец Рика наотрез отказался снова браться за бизнес, который Рик более-менее развил, но и продавать тоже не хотел. С одной стороны, все было не так уж плохо – и бизнес в целом продвигался, в том числе благодаря помощи Генри, который тоже владел какой-то частью и, в отличие от отца, согласился прийти на помощь.

Дом был по-прежнему ее, а работа, хоть и нелюбимая, всегда давала повод хоть как-то преодолеть поработощающее бессилие.

Но после того, как всего один вечер она провела в гремящем сомнительной акустикой баре среди людей примерно своего возраста, которые разделяли ее скорбь, но были полны энергией и имели силу петь и бить по струнам гитар, которые так по-разному и так звонко отзывались на движения рук, Мэгги стоило еще больших усилий вернуться в свой

дом.

Еще более темным показались непрогретые коридоры и еще более пугающими – закрытые комнаты, набитые непонятным хламом, который сначала хотели разобрать родители Рика, потом – сам Рик, а теперь все это стало частью ее непобедимого бессилия.

Еще более бессонной казалась спальня с пустой кроватью, для которой Рик так и не сделал новое удобное изголовье, и совсем жалким выглядел ее угол в гостиной, куда она подвинула диван, поставила обогреватель и проводила там ночи, переводя взгляд от телевизора на телефон и обратно.

В голове звучала мелодия песни, которую Рик написал когда-то давным-давно, а Мэгги слышала только сегодня. А вместе с выбранной им последовательностью аккордов неизменно повторялся вопрос – неужели это справедливо, что все их с Риком надежды, ради которых она бросила в Нью-Йорке жизнь своей мечты, свелись теперь к темному, полному шорохов дому, в который она снова и снова возвращается одна?

Глава 4

Когда Мэгги с Риком познакомились, он сразу показался ей взрослым, серьезным и очень уверенным в себе.

А еще – очень усталым.

Встреча была случайной. Мэгги работала в крупном отеле в Нью-Йорке. Только недавно перешла в него из хостела, в котором проработала несколько лет, и только начала радоваться, что благодаря новому хорошему месту с родительскими планами сделать из нее училку было окончательно покончено.

С планами быть училкой возникли сложности прямо на педагогическом факультете колледжа.

Поначалу ей действительно нравилось. Особенно сам колледж – студенческая жизнь, ощущение свободы, возможность выбрать не только те предметы, которые нужны, но и те, что просто интересны, – все это казалось ответом на все ее желания.

А потом началась педагогическая практика, которую она прошла на отлично. Говорили, что их курсу повезло. Им досталась школа в благополучном районе Нью-Йорка с добрым опытным коллективом, да и еще и та, в которой недавно проходили съемки нашумевшего и очень популярного молодежного сериала.

Практика выдалась в целом удачной. Поэтому Мэгги

не ожидала, как отреагирует, когда куратор предложил ей остаться на летний семестр в качестве стажера. Мест на летнюю стажировку было только два, и все студенты мечтали заполучить эту возможность. А первой мыслью Мэгги, когда куратор заговорил с нею, было: «О боже, только не это!»

Тогда-то Мэгги и поняла, что окончания практики она ждала, как манны небесной, и только мысль о нем заставляла ее успешно справляться с требованиями. Но когда она закончит колледж, ждать будет уже нечего – потому что из такой вот практики и будет состоять вся ее рабочая жизнь, к которой ее готовили с детства.

Хотя это вообще не ощущалось как ее жизнь.

Возможно, Мэгги не нашла бы в себе силы для осознания, если бы сразу после завершения практики не заболела так сильно, что чуть ли не месяц не выходила из общежития. Предлог был идеальным, и, уцепившись за него, Мэгги поблагодарила куратора и вежливо отказалась от стажировки. Все были в ужасе: как обидно, упустить такую возможность. Мэгги до сих пор была благодарна сезонному вирусу, что он помог ей ответить на один из самых сложных вопросов ее жизни.

Она не хотела провести остаток дней школьной учительницей.

Озарение оказалось скандальным и выбило почву у нее из-под ног.

Дело было не только в том, что ее родители – школьные

учителя – были фанатами своего дела и искренне не видели лучшего будущего для собственных детей. Когда Мэгги уже во всем разобралась и сообщила им новости, они ее и всерьез не приняли. Расстроились, что дочь она сбилась с пути, но ни на секунду не сомневались, что она непременно одумается. А Мэгги не чувствовала даже, что разочаровывает их навеки.

Гораздо важнее оказалось не разочаровать саму себя.

Потому что кем она не хотела стать, было уже ясно. А вот какую работу выбрать, чтобы не пришлось заболеть каждый раз, чтобы она скорее закончилась – вопрос был не из простых.

И Мэгги принялась искать, какое еще дело ослабит ее чувство провала. Поработала в образовательной компании, записалась на курсы моушн-дизайна, программирования, экономического анализа. Посидела на лекциях разных факультетов зайцем, пользуясь приглашениями друзей.

Все это она могла себе позволить, потому что нашла неплохую работу – ночным администратором модного хостела.

Точнее, это работа ее нашла, потому что все произошло случайно. Одна из однокурсниц подрабатывала там с первого курса, а сейчас уезжала на стажировку. Ей требовался человек, который подменил бы ее на один семестр.

В итоге из стажировки подруга не вернулась – вышла замуж за англичанина и осталась с ним жить. А вот Мэгги нашла работу своей мечты.

Сначала она не поняла, что это была именно та самая. Просто на учебу Мэгги ходила с тяжелым сердцем, а на работу – с легким, и даже ночные смены, после которых не хотелось ничего, кроме как спать, не казались ей настолько изнурительными, как дни, полные составления методических программ.

Отельная работа чем-то напоминала преподавательскую. Ни один рабочий день не походил на другой, все время что-то случалось, а перед глазами мелькали вереницы людей, всегда разных, всегда временных. Зато давления было в разы меньше, потому что туристы не были детьми, а значит, их не нужно было вдохновлять, воспитывать и показывать правильный пример. Шанс сказать что-то не то, обидеть или нанести травму неокрепшей психике был ничтожно мал, и по ощущениям это снимало с плеч громадный груз.

Мэгги поначалу так обрадовалась, что думала: она нашла новое любимое хобби. Не может же работа просто быть интересной и приносить радость? А ей было именно интересно, и поэтому сперва она начала брать в хостеле больше смен, потом увлеклась и прошла несколько курсов гостиничного дела, а затем с радостью стала учиться в колледже туристическому менеджменту, даже невзирая на то, что студенческий кредит сковывал ее на много лет вперед.

Но ей по-прежнему нравилось, а учеба сочеталась с работой почти без особых усилий. Повысив навыки, Мэгги вскоре стала старшим менеджером в своем хостеле, а потом пе-

решила работать в крупный сетевой отель на острове Манхэттен.

Где они с Риком и познакомились.

Он приехал в Нью-Йорк по делам: в экспоцентре проходила выставка сантехнического оборудования, и вместе с другими торговцами он приехал представлять свой магазин. Изначально зарезервировал себе номер совсем в другом отеле. Но что-то случилось с его бронью, а перед выходными достать жилье в Нью-Йорке – задача не из простых. По онлайн-акции Рик решил остановиться там же, где жила пара его приятелей.

Мэгги помнила, как серьезно и по-взрослому он смотрел всякий раз, когда подходил к стойке ресепшен. И каким он был усталым. Коллеги Рика оживленно переговаривались, шутили, предвкушали все возможности, которые Нью-Йорк предлагает на выходных своим гостям. А Рик словно был не с ними. Хоть и отвечал на реплики, улыбался шуткам, но не был похож на обычных предпринимателей, которые ставили в графе «Цель поездки» галочку напротив слова «Бизнес», а сами думали исключительно о свободном времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.